

УДК 821.112.2-31(430)
ББК 84(4Гем)-44
Я46

Серия «Семейный узор»

Anne Jacobs
DIE TÖCHTER DER TUCHVILLA

Перевод с немецкого *Надежды Корниловой*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

Печатается с разрешения автора и издательства
Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH

Якобс, Анне.

Я46 Хозяйка Мельцер-хауса: [роман] / Анне Якобс; — [перевод с немецкого Н. Корниловой]. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (Семейный узор).

ISBN 978-5-17-155556-6

1916 год, Аугсбург. Первая мировая война.

Страну накрыла волна бед, горя и насилия. Роскошный особняк богатых промышленников Мельцеров превращается в военный госпиталь, а дочери семейства и служанки вынуждены стать сестрами милосердия и заботится о раненных солдатах.

Забота о поместье и фабрике ложится на хрупкие плечи Мари, которая еще недавно была простой служанкой в доме Мельцеров, а теперь стала законной женой наследника семейства. Но муж ушел на фронт, вестей от него нет, а вокруг — лишь смерть и разруха. Но Мари не теряет надежду, она готова пойти на все, трудиться днем и ночью, чтобы любимый муж вернулся домой, поместье — выстояло, а фабрика — не прекращала работать...

Но неожиданно на пороге особняка появляется Эрнст фон Клипштайн, старый знакомый Мельцеров. Он оказывает Мари недвусмысленные знаки внимания и готов дать ей деньги на сохранение ткацкой фабрики. Девушке предстоит решить, что важнее: верность и преданность мужу или забота о ближних... И что же на самом деле стоит за добротой Эрнста фон Клипштайна?

УДК 821.112.2-31(430)
ББК 84(4Гем)-44

© 2015 by Blanvalet Verlag, a division
of Penguin Random House Verlagsgruppe
GmbH, München, Germany
© Корнилова Н., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-155556-6

I
ФЕВРАЛЬ 1916 Г. —
ЯНВАРЬ 1917 Г.

I

Серые вечерние сумерки рано опустились над промышленным кварталом Аугсбурга. На ткацкой фабрике то тут, то там вспыхивали огни; несмотря на нехватку сырья, работа все-таки продолжалась; на других же предприятиях было темно. Конец смены — женщины и пожилые мужчины выходили за ворота фабрики Мельцера. Высоко подняв воротники и натянув на голову платки и шапки, они шли под проливным дождем. Клокочущая дождевая вода стекала вниз по булыжным мостовым. Не у всех осталась добротная обувь с довоенных времен, и те, кто ходил в деревянных башмаках, сейчас, конечно же, промочили ноги.

А в это время в кирпичном особняке, принадлежавшем семье фабриканта, у окна столовой стоял Пауль Мельцер. Он пристально вглядывался в черный силуэт города, четкие очертания которого постепенно стирались в сумерках. Тяжело вздохнув, уже в который раз он опустил гардины.

— Пауль, ну присядь же, в конце концов, и выпей глоток, — раздался голос отца.

Из-за морской блокады этих несносных англичан шотландский виски стал теперь драгоценным зельем. Иоганн Мельцер достал из-за стеклянной дверцы серванта два бокала и наполнил их ароматной медово-желтой жидкостью.

Пауль, едва взглянув на бокалы и бутылку, отрицательно покачал головой.

— Не сейчас, отец, попозже. Когда для этого будет повод. Дай-то бог — он действительно будет.

В коридоре послышались чьи-то торопливые шаги, и Пауль поспешил к двери. Это была Августа, горничная, она, розовощекая, в белом кружевном чепце, покосившемся на ее сбившейся прическе, казалась еще более полной, чем обычно. Она несла корзину, в которой лежала куча свернутых в клубок белых простыней.

— Ну что, все еще нет?

— К сожалению, пока нет, господин Мельцер. Надо еще немного подождать.

Она поклонилась и заспешила к лестнице для прислуги, чтобы отнести белье в прачечную.

— Августа, но ведь прошло уже больше десяти часов! — прокричал ей вдогонку Пауль. — И это что, нормально? А с Мари действительно все в порядке?

Августа остановилась и, улыбаясь, завершила его, что с родами всегда все по-разному: у кого-то ребенок появляется на свет за пять минут, а кто-то мучается по нескольку дней. Пауль с измученным видом кивнул. Уж кому-кому, а Августе это хорошо известно, ведь у нее их уже двое. И только благодаря милосердию Мельцеров она продолжает работать в их доме.

С верхнего этажа доносились приглушенные крики дикой боли. Пауль тут же шагнул в сторону лестницы, но потом все же остановился, понимая свою беспомощность. Мать выпроводила его из спальни, как только там появилась акушерка, Мари тоже просила его спуститься вниз, присмотреть за отцом: он хворал и нуждался в заботе после перенесенного инсульта. Это, конечно же, было только предлогом, и они оба знали об этом, но Пауль не хотел спорить с женой, тем более в ее теперешнем состоянии. И он молча повиновался.

— Ну чего ты стоишь в дверях? — сетовал на него отец. — Роды — бабье дело. Когда родит, нам уж скажут первым. Выпейка лучше.

Пауль послушно сел за стол и опрокинул содержимое бокала. Виски словно огнем обжег желудок, и только сейчас он понял, что после завтрака ничего не ел. Утром около восьми Мари почувствовала небольшую тянущую боль в спине, они тогда еще

посмеялись над этим: маленькие болячки, неизбежно сопровождавшие беременность, не раз становились поводом для шуток. После Пауль с легким сердцем пошел на фабрику. Прямо перед обеденным перерывом с виллы позвонила его мать и сообщила, что у Мари начались схватки и они вызвали акушерку. Но ему, с ее слов, было не о чем беспокоиться — все шло своим чередом.

— Когда двадцать семь лет назад твоя мать произвела тебя на свет, — произнес Иоганн Мельцер, задумчиво глядя в свой бокал, — я сидел в бюро и выписывал счета. Потому что мужчине в подобной ситуации нужно какое-нибудь занятие, чтобы не сдали нервы.

Пауль согласно кивнул, не переставая прислушиваться к каждому шороху в коридоре: к шагам горничной, поднимающейся как раз на второй этаж, к бою старинных напольных часов, к голосу своей матери, велевшей Эльзе принести из бельевой две свежие простыни.

— Ты был довольно крупным, — ухмыляясь, продолжил отец и подлил ему еще виски. — Алисия промучилась всю ночь. Да, ты чуть не стоил ей жизни. — Но эти слова ничуть не успокоили Пауля, и это не ускользнуло от отца. — Но ты не беспокойся: кажущиеся якобы хрупкими женщины на самом деле более цепкие, сильные и живучие, чем обычно принято считать. — Сказав это, он сделал еще один большой глоток. — А что у нас вообще-то с ужином? — проворчал он и позвонил в электрический колокольчик, чтобы вызвать прислугу. — Уже седьмой час, что-то все сегодня идет вверх тормашками!

На повторный звонок пришла Ханна, посудомойка, темно-волосая, немного скрытная девочка, которую Мари взяла под свою особую защиту. Иначе Алисия Мельцер давно бы прогнала эту маленькую, с позволения сказать, помощницу, поскольку та мало годилась для работы, зато посуды была столько, сколько не удавалось никому из ее предшественниц.

— Ужин подан, милостивый государь.

Она внесла две тарелки с бутербродами, серым хлебом, ливерной колбасой, тминным сыром и маринованными огурчиками, кстати, огурчики были свои, то есть из своего огорода — Мари велела завести его прошлой осенью. Мясо, колбаса и жиры выдавались в пайках по продуктовым карточкам, а тот, кому хотелось побаловать себя какими-то особыми лакомствами, на-

пример шоколадом, должен был иметь хорошие связи и необходимые средства. В доме Мельцеров все были верны кайзеру и потому полны решимости выполнить свой долг перед отечеством. А значит, готовы были отказаться от многого в столь суровые времена.

— Почему так долго, Ханна? И что там только делает кухарка?

Ханна торопливо поставила на обеденный стол тарелки, уронив при этом пару бутербродов с колбасой и один огурчик прямо на белую скатерть. Спохватившись, она тут же пальчиками вернула их на место. Пауль, вздохнув, высоко поднял брови, но призывать эту девчонку к порядку было пустой тратой времени. Все, что ей говорили, влетало в одно ухо и тут же вылетало в другое. Гумберт, который был на вилле камердинером и превосходно выполнял свою работу, был призван в армию в самом начале войны. Бедняга, разве он годился в солдаты?..

— Это моя вина, — пролепетала Ханна, не чувствуя при этом себя виноватой. — Госпожа Брунненмайер уже приготовила тарелки, и я отнесла их наверх вместе с другими блюдами, но только потом поняла, что они были для вас.

Тут выяснилось, что повариха только тем и занималась, что кормила господ наверху. Повитуха вообще отличалась отменным аппетитом и допивала уже третью кружку пива.

К тому же все знали, что скоро объявятся госпожа Элизабет фон Хагеманн и госпожа Китти Бройер и тоже захотят остаться на ужин.

Пауль подождал, пока удалилась Ханна, и только потом сердито покачал головой. Китти и Элизабет были его сестрами, но сейчас их присутствие казалось излишним — в доме и без них крутилось достаточно женщин.

— Эй, кухарка! — раздался сверху грубый незнакомый голос. — Чашку кофе! Но настоящего, зернового, а не этот суррогат!

Должно быть, это говорила повитуха. Пауль еще ни разу не видел ее лицо. Но судя по голосу, это была крепкая и очень решительная особа.

— Да, та еще заноза, — пренебрежительно произнес отец. — Та же штучка, что и медсестра, которую Алисия наняла два года назад. Как же ее звали? А-а, Оттилия. Та могла прикончить целый драгунский полк.

Внизу раздался звон дверного колокольчика. Раз, два — затем громкие удары кованого дверного молотка посыпались один за другим. Кто-то непрерывно барабанил по маленькой металлической пластине на двери.

— Ну, это Китти, — ухмыляясь, произнес Иоганн Мельцер. — Так может только она.

— Да иду уже, иду! — прокричала Ханна. Ее звучный, подобный колоколу, голос был слышен на всех трех этажах. — Ну что за день сегодня! Матерь Божья! Ну и денек!

Пауль вскочил и помчался вниз в парадную. Если только что визит Китти казался ему докучливым, то теперь вдруг он был рад ее приходу. Ничто так не изматывало, как пустое сидение и ожидание, а веселость Китти смогла бы отвлечь его от забот.

Уже спускаясь вниз по лестнице в парадную, он услышал ее взволнованный голос. Китти почти год была замужем за банкиром Альфонсом Бройером и находилась в интересном положении: через несколько месяцев должна была родить, чего, глядя на нее, никто бы не сказал. Она выглядела, как всегда, изящной и стройной. Только когда Пауль очень пристально присматривался к ней, то мог заметить под ее свободным платьем небольшую округлость.

— Ханна, милочка! Ну как же ты нерасторопна! Сколько нам пришлось стоять на улице под дождем! Умереть можно от этой мерзкой сырой погоды. А какого нашим бедным солдатам там, во Франции и в России. Как они, должно быть, там мерзнут! Хоть бы не простудились! Элизабет, прошу тебя, ну сними ты наконец эту шляпу. Ты выглядишь в ней чудовищно, твоя свекровь совсем лишена вкуса. Ханна, принеси-ка мне домашние тапочки, те маленькие, вышитые шелком. А что, ребенок еще не родился? Нет? Ну слава богу, а то я боялась все пропустить...

Сестры приехали без шофера — похоже, за рулем была Элизабет, так как Китти до сих пор так и не удосужилась научиться водить машину. К тому же в этом не было никакой нужды, ведь банковский дом Бройера имел в распоряжении несколько автомобилей и шофера. Китти уже сняла пальто, шляпу и обувь, а Элизабет все еще стояла перед овальным зеркалом в стиле ампира, рассматривая в нем свое обиженное лицо.

Пауль подумал о том, что при всей своей непосредственности Китти иногда могла быть довольно бессердечной, и громко сказал:

— А я нахожу, что шляпка тебе очень к лицу, Лиза. Она делает тебя...

Продолжить фразу он не смог, так как Китти бросилась ему на шею, расцеловав его в обе щеки.

— Бедный, бедный мой Поль. Уж мне-то известно, как это ужасно чувствовать себя будущим отцом, — захихикала она. — Вы сделали свое дело и больше не нужны. А дальше это уже наша забота, не так ли, Лиза? Ну что мужчине делать с младенцем? Кормить грудью? Прикармливать? Убаюкивать? Этого он не может. Вообще ничего не может...

— Ты не во всем права, сестричка, — смеясь, сказал Пауль. — А кто тогда позаботится о том, чтобы у матери с ребенком была крыша над головой и еда?

— Ну да, — пожала плечами она и отпустила его, надевая изящные домашние тапочки, которые Ханна поставила перед ней на пол. — Но этого все-таки маловато. А вот в Африке, знаешь ли, негры делают будущим отцам глубокую рану на ноге и посыпают ее солью. Мне это кажется весьма разумным — так мужчины по крайней мере прочувствуют боль, что испытывают женщины во время родов...

— И ты находишь это разумным? Да это варварство!

— Ну какой же ты трусишка, Поль! — захихикала она. — Но не беспокойся: в нашей стране этот обычай еще не вошел в моду. А где же мама? Там наверху, у Мари? А вы что, позвали эту мерзкую старую повитуху? Эту стерву? Она была у моей подруги Доротеи, когда та рожала. И представь себе, Поль, страшно напилась. Когда она взяла на руки младенца, то чуть не уронила его...

Пауль содрогнулся от ужаса. Ему оставалось только надеяться, что его мать выбрала повитуху, хорошо знающую свое дело. Когда он задумался над этим, возбужденный ум Китти был занят уже совсем другими вещами.

— Ну идешь же ты, наконец, Элизабет? Боже мой, в этой шляпе ты как гренадер на поле битвы! Такая же разъяренная и отчаянная. Ханна! Ну куда же ты запропастилась? А от Гумберта есть весточки? Он в порядке? И он вам исправно пишет? Нет? Ох, как жаль! Ну пошли же, Элизабет! Нам нужно скорее подняться к Мари: что она о нас подумает, если мы тут, в доме, а о ней совсем забыли...

— Не знаю, найдется ли сейчас у Мари время для тебя... — возразил Пауль, но Китти уже бежала вверх по лестнице, так легко, словно вовсе не была беременна.

— Приветствую тебя, папочка! — Она быстро пронеслась по коридору — и уже поднялась еще на один этаж, туда, где находились спальные комнаты. Что там творилось, Пауль не мог бы отгадать при всем желании. Но он мог предположить: Китти попала в самый разгар происходящего и теперь могла наблюдать за тем, что ему как будущему отцу решительно взбранялось видеть.

— Как дела у папы? — спросила Элизабет, наконец-то решившись снять шляпу и пальто. — Смею надеяться, что все эти тревожения не повредят ему.

— Думаю, уж с ними-то он как-нибудь справится. А ты не хочешь присоединиться к дамскому обществу? Или составишь компанию нам с папой?

— Пожалуй, останусь здесь. Хотела обговорить с ним кое-что.

Пауль испытал облегчение от того, что хотя бы Элизабет останется с ними в столовой, если уж Китти так захотелось подняться наверх. О, боже праведный, только бы все поскорее закончилось! Мысль о том, что его Мари приходится терпеть страшные боли, была для него невыносима. Разве не он сам был причиной всего этого? Кто, как не он, хотел этого ребенка?

— У тебя такое лицо, будто ты ежа проглотил, — не без ухмылки произнесла Элизабет. — Да радоваться надо. Ты же станешь отцом, Пауль.

— А ты — тетей, — добавил он без особого восторга.

Иоганн Мельцер просматривал в столовой последний номер «Аугсбургских известий», он хотел еще раз прочитать все заметки о ходе войны. Если верить энтузиазму, с которым были написаны сообщения, можно было подумать, что Россия уже почти повержена, да и с французами скоро будет покончено. Между тем шел уже третий год войны, и Иоганн Мельцер, несмотря на свою верность кайзеру, был реалистом, а значит, и скептиком. Тот восторг, который охватил их всех в начале кампании, уже давно улетучился.

— Папа, а разве тебе можно пить? — возмутилась Элизабет. — Ты же знаешь, что доктор Грайнер запретил тебе алкоголь!

— Какая чепуха! — сердито возразил он.

Уже давно все обитатели виллы смирились с тем, что Иоганн Мельцер был весьма своенравным пациентом, и даже мама уже перестала надоедать ему предписаниями и предостережениями. Но Элизабет не переставала поучать отца. Кто-то же должен был, в конце концов, позаботиться о его здоровье.

— А что господин лейтенант пишет о войне на Западе? — поинтересовался он, пожалуй, с одной целью — чтобы избежать дальнейших предостережений. Элизабет вот уже год как была замужем за майором Клаусом фон Хагеманном. Они поспешно отпраздновали свадьбу — буквально через несколько дней после начала войны, так как Клаус фон Хагеманн вместе со своим кавалерийским полком участвовал в кампании на реке Марна. А затем, в начале 1915 года, связали себя брачными узами и Мари с Паулем, и Китти с банкиром Альфонсом Бройером.

— Да, как раз сегодня пришло известие от Клауса, — сообщила Элизабет и, порывшись в своей сумочке, достала открытку полевой почты. — Сейчас он стоит со своим полком под Антверпеном, но, похоже, скоро получит приказ двинуться маршем на юг. Куда точно, он, конечно, не может написать...

— Ага, на юг, — проворчал Иоганн Мельцер. — Ну, а у тебя дела идут по-прежнему хорошо?

Элизабет покраснела под пристальным взглядом отца. В октябре прошлого года ее муж на несколько дней приезжал в отпуск домой — исполнить свой супружеский долг. Как же она надеялась, что в этот раз наконец-то забеременеет. Но напрасно. Эти противные месячные начались неумолимо точно в срок и, как всегда, вызвали лишь головную боль и спазмы живота.

— Да, у меня все хорошо, папа. Спасибо, что спросил...

Пауль придвинул к ней тарелку, чтобы она положила себе еды. Сам он не мог проглотить ни кусочка. А вот Элизабет не могла устоять при виде жирной ливерной колбасы. Бог ты мой, и чего это Пауль так волнуется? Ну да, Мари переживала сейчас не самое лучшее время, но у нее же будет ребенок. И Китти была в интересном положении. Вот только ей одной Бог отказал в материнском счастье! Она с самого начала знала, что так будет. Китти всегда была солнечным ребенком, баловнем судьбы, милой маленькой феей. Какое бы желание она ни загадала, оно исполнялось, как по мановению волшебной палочки. На нее бук-

вально сыпалась манна небесная. Элизабет пришлось взять себя в руки, чтобы не утонуть в жалости к самой себе. Но теперь она была полна решимости по крайней мере по-своему выполнить долг перед кайзером и отечеством.

— Знаешь что, папа, — начала она, улыбаясь, как только Пауль снова вышел в коридор. — Я полагаю, у нас нет другого выбора, учитывая наше общественное положение и то, что у нас на вилле так много места. Клаус сказал мне совершенно однозначно, что он не понимает, почему ты медлишь, в конце концов, это же наш долг перед отечеством...

— Собственно говоря, о чем это ты? — подозрительно спросил Иоганн Мельцер. — Уж не об этой ли безумной идее — разместить у нас дома лазарет? Выброси это сейчас же из головы, Элизабет!

Она знала, что он скажет «нет», но ни в коем случае не должна была падать духом. Мама, можно сказать, уже почти согласилась с ее планами, и фрау фон Зонтхайм устроила у себя лазарет, и родители ее лучшей подруги Доротеи отдали под госпиталь один из своих домов. Разумеется, только для офицеров, а не для каких-нибудь завшивевших, неотесанных мужланов.

— В холле хватит места как минимум для десяти кроватей, а в бельевой можно было бы разместить операционный зал...

— Нет!

В подкрепление своих слов Иоганн Мельцер потянулся за бутылкой виски и налил себе приличную порцию. Потом он принялся доказывать, что в холле постоянно дует, а сквозняк для больных людей чрезвычайно опасен, к тому же там нет света, кроме того, всякий, входящий в дом, будет проходить мимо коек с больными, и вообще это все-таки парадная, а не проходной двор.

— Папа, но ты забыл, что есть второй вход — со стороны сада через террасу. А от сквозняка защитят прочные гардины. Нет, я полагаю, холл как раз очень подходит для этих целей: он просторный, хорошо проветривается и туда легко попасть из хозяйственных помещений...

Иоганн Мельцер опрокинул бокал и резким движением поставил его на стол.

— Пока я здесь еще имею право голоса, до этого безобразия дело не дойдет. Нам и без того столько дыр надо залатать, и с фабрикой забот хватает. — Элизабет только открыла рот, чтобы

возразить, но отец опередил ее. — Я даже не знаю, сколько еще смогу платить зарплату своим рабочим и сколько вообще смогу продержаться их, — разволновался он. — Хлопка нет с самого начала войны, с шерстью тоже туго, а чтобы прясть из пеньки, нужны специальные станки, которых нет. Так что оставь меня в покое с этой бредовой идеей, иначе я...

Тем временем в коридоре все пришло в движение. Слышен был взволнованный голос Китти, наверху хлопала одна дверь за другой, Эльза пронесла по коридору корзину, полную простыней. Элизабет ужаснулась, увидев на белоснежных тканях яркие пятна крови.

— Поль, у тебя дочь! — прокричала сверху Китти. — Милая крошечная дочурка. О, боже, она такая маленькая, но у нее уже есть ручки и ножки и даже пальчики с ноготками. Повитуха передала ее Августе, чтобы та ее искупала...

Пауль взбежал по лестнице — ну должны же его наконец пустить к Мари, но на полпути Китти бросилась ему навстречу и от счастья разрыдалась прямо у него на плече.

— Ну отпусти же меня, Китти, — нетерпеливо бросил он, пытаясь высвободиться.

— Да, да, сейчас, — всхлипывала Китти, продолжая крепко держать его в своих объятиях. — Ну подожди же, ее сначала искупают. А потом запеленают и тогда уж вручат тебе. Ах, Поль, какая же она очаровательная. А Мари вела себя так мужественно. Я точно так не смогу, я уже сейчас это понимаю. Я буду орать на весь Аугсбург, если мне придется терпеть такие муки...

На пороге из коридора в столовую Элизабет рассерженно вздохнула: ну ни раньше, ни позже, именно сейчас Мари нужно было разродиться! У нее в запасе было еще столько хороших аргументов, которые уж точно прижали бы отца к стенке, а теперь он поднялся и тоже вышел в коридор.

— Девочка, — недовольно сказал он. — Ну ладно, главное — чтоб мать с ребенком были в добром здравии.

Ему пришлось посторониться, поскольку Августа пронесла мимо деревянную колыбель, ту самую, в которой когда-то лежали Пауль и обе его сестры. Колыбель принадлежала когда-то фон Мейдорнам, фамильной ветви из Померании, и в ней укладывали спать наверняка далеко не одного отпрыска аристократической семьи.

— Мари! — позвал Пауль, поднявшись наверх. — Мари, дорогая! Ты хорошо себя чувствуешь? Ну позволь же мне наконец войти к тебе!

— Пусть подождет! — донесся властный голос повитухи.

— Эта особа чудовищна! — возмущенно произнесла Китти. — Когда я буду рожать, я ни за что не подпущу к себе эту мегеру. Ведет себя так, словно вся вилла принадлежит ей. Представляешь, она раздавала команды даже маме...

Наконец Элизабет нехотя решила покинуть столовую и поучаствовать в происходящем в доме. Все-таки было страшно любопытно взглянуть на младенца. Подумать только — девочка! Так и надо Мари. Как разочарован этим известием папа. Он так надеялся на мальчика, продолжателя его текстильного дела...

Было слышно, как наверху перешептывались, Пауль стоял у лестницы рядом с Китти, на их лицах было смятение. Как странно, подумала Элизабет. Неужели Мари так плохо? Может, она потеряла слишком много крови? Неужели она так обессилила, что может даже умереть?

Вдруг Элизабет почувствовала, как у нее сильно забило сердце — поднимаясь по лестнице, ей пришлось даже держаться за перила. О, боже! Да, хорошо, может быть, у Мари немного поднялась температура, но чтобы сразу покинуть сей мир... Ну уж нет!

Открылась дверь в спальную комнату, откуда вышла мама. Бедняжка, она была совершенно вне себя. Лицо покраснелось, блузка была вся в мокрых пятнах, а когда она заправляла за ухо выбившуюся прядь волос, у нее даже дрожали руки.

— Пауль, мой дорогой Пауль...

— Ради бога — мама! Что произошло?

Он бросился на нее, не в силах больше говорить.

— Это... Это просто невероятно, — всхлипывая, произнесла Алисия Мельцер. — У тебя сын.

Никто не понял смысл этих слов, тем более Элизабет. Только что была дочь, а теперь вдруг сын. Повитуха, что ли, спяну перепутала, не отличив мальчика от девочки?

— Что, сын? — пробормотал Пауль. — То есть не дочь, а сын? Ну, а что с Мари?

Алисия прислонилась к стене, закрыв на секунду глаза и приложив к горячему лбу тыльную сторону ладони, и улынулась:

- Пауль, твоя жена родила двойню. Девочку и мальчика.
- Как Мари себя чувствует?
- Ну, только что чувствовала себя отлично...

Элизабет остановилась посреди лестницы. Мгновенно ее страх перерос в волну гнева. Двойня! Непостижимо, вот это да! Похоже, некоторым мало одного. И кажется, к тому же Мари была жива и здорова. В этот момент она услышала звуки, очень слабые и сдавленные, похожие на писк, как будто младенцу пришлось очень сильно напрячься, чтобы выдать их из себя. Сердце Элизабет сжалось, ее охватило чувство огромной нежности. Какие же они, должно быть, крошечные, ведь им вдвоем пришлось делить утробу своей матери.

Наконец-то показалась повитуха, крепкая особа с седыми волосами и пухлыми щеками, изборожденными красными прожилками. На ней был свежий накрахмаленный белый фартук, который она, вероятно, только что повязала поверх черного платья. А в ее крепких руках, согнутых в локтях, лежали два белых пакета. Новорожденные были завернуты в конверты, из которых виднелись только их розовые головки. Сморщив лоб, Пауль уставился на своих детей. Весь его вид говорил за себя: он был ошеломлен и не мог поверить своим глазам.

- Но они... Они же здоровы или?.. — спросил он повитуху.
- Ну конечно же здоровы!
- Я только имел в виду... — пробормотал Пауль.

Он вовсе не производил впечатления гордого отца, вытаращенными глазами разглядывая своих крошечных младенцев. Сморщенные личики, узкие прорези глаз, маленькие дырочки на носиках. Только их рты казались большими. Один из них куksился, издавая слабые, странно сдавленные звуки.

— А кто из них мальчик? — пожелал узнать Иоганн Мельцер, поднявшись вслед за всеми наверх.

— Вот этот крикун. Весит меньше своей сестры, но уже сейчас готов жаловаться на весь белый свет.

Повитуха ухмыльнулась — кажется, она одна была довольна результатами своих усилий. И теперь наконец была не против того, чтобы Пауль зашел в спальню.

— Мари! — услышала его негромкий возглас Элизабет. — Моя бедная милая жена. Что тебе пришлось вынести! Как ты? Они великолепны...наши детки...наши детки...

— Они тебе нравятся? — спросила Мари и тихо засмеялась. — Двоих одним махом — довольно практично...

— Мари, — зашептал Пауль с захлестнувшей его нежностью. Правда, Элизабет не разобрала, что он сказал еще, да это и не было предназначено для любопытных ушей.

Вдруг она почувствовала комок в горле. Как же все это трогательно, и как бы ей хотелось, чтобы ее Клаус тоже когда-нибудь произнес для нее такие нежные слова благодарности. Она пошла обнять мать и тут вдруг заметила, что плачет.

— А имена уже есть для обоих? — поинтересовалась повитуха.

— Ну конечно же, — ответила Алисия Мельцер, погладив по спине Элизабет. — Девочку назовем Доротей, а мальчика — Леопольд.

— Додо и Лео! — воскликнула с восторгом Китти. — Папочка, тебе придется открыть бутылки с шампанским, а я наполню бокалы. Ах, если бы здесь сейчас был наш милый Гумберт. Никто не мог так ловко разливать и подавать, как он. Ну пошли, пошли — этим двоим надо сейчас так много сказать друг другу...

И все отправились в красный салон. Послали за Эльзой, чтобы та принесла фужеры, а глава семьи спустился в подвал за шампанским. По случаю радостного события и прислуге полагалось выпить по глотку за новорожденных отпрысков Мельцеров. Китти наполнила фужеры, а Алисия позвала с кухни повариху и Ханну. Поднос с шампанским Эльза принесла и наверх в спальню, она поднесла игристое вино сначала счастливым родителям, а потом Августе и повитухе.

— За здоровье новых граждан Земли! — воскликнул Иоганн Мельцер. — Да хранят их святые ангелы Божьи, так же как они охраняют наше дорогое отечество и нашего кайзера...

Подняли тост за Додо и Лео, за Мари, молодую мать, за новоиспеченную родительскую чету и конечно же за кайзера. Повариха Брунненмайер заявила, что уже давно знала — госпожа носила двойню, поскольку у той потолстели ноги. А Ханна попросила, чтобы потом ей разрешили возить детей в коляске на прогулки. Это ей было позволено при одном условии — только в сопровождении гувернантки, которую еще предстояло найти.

— Как давно у меня не было так легко и радостно на душе, — призналась Алисия, когда осталась наедине с семьей. Ее глаза

сияли, после всех треволнений сегодняшнего дня она захмелела, выпив всего-то полфужера шампанского. — У меня такое чувство, будто вернулись старые времена, когда мы с тобой, Иоганн, были совсем молодыми. А наши дети еще маленькими. Помнишь? Их веселый смех в зале. Как они резвились в парке, а садовник не знал, что с ними делать...

Иоганн Мельцер только пригубил шампанское. Он отставил бокал, чтобы заключить в объятия свою жену — это был жест, от которого они уже давно отвыкли. Элизабет увидела, как ее мать с улыбкой закрыла глаза и прижала свою горячую щеку к плечу мужа.

— Да благословен тот, кто может оглянуться на счастливо прожитые годы, — пробормотал он. — Это те несметные богатства, которые не отнять никому.

2

— Ну чего ты так долго копаешься? — упрекнула Эльза Ханну. — Я уже битых четверть часа стою и жду тут под дождем! Если мы сегодня не принесем домой ни мяса, ни колбасы, то я обязательно скажу госпоже, кто в этом виноват.

Эльза была в дурном расположении духа и не преминула дать почувствовать свое настроение и Ханне. Да, уж такой она была, эта незаметная тихоня Эльза. Она никогда не осмелилась бы обидеться на Августу, умеющую дать отпор, и уж тем более на энергичную кухарку. А уж по отношению к господам она была само смирение и покорность. Но Ханна, которую почем зря все ругали и бранили, стала для горничной Эльзы девочкой для битья.

Ханна волокла огромную корзину с ручками, в которой лежал мешок из грубого полотна, в надежде, что удастся раздобыть хоть немного картошки.

— Мне еще надо было вымыть посуду и принести ведро угля, — сказала она Эльзе, поджидавшей ее под крышей крыльца между входных колонн. Собственно говоря, она не имела права там стоять, поскольку для персонала были предназначены два боковых входа. Но из-за дождя она ждала здесь, так что, вообще-то, ни на пальто, ни на шляпу Эльзы не упало ни капли.